

МЕДВЕДЬ ГОВОРИТ «РРР», ДРАКОН ГОВОРИТ «ГРР», ДИКТАТОР ГОВОРИТ «НИЧЕГО ЛИЧНОГО!»: ФАНТАСТИЧЕСКИЕ НОВИНКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

ДЕНИС ЛУНЬЯНОВ
Родился в Москве, окончил
Институт журналистики,
коммуникаций и медиаоб-
разования МПГУ. Писатель
и журналист. Ведущий
подкастов, контент-мене-
джер издательских сервисов
«Литрес», обозреватель
радио «Нига».

Для взрослых

РЕБЕНКА ЯРРОС, «ЧЕТВЕРТОЕ КРЫЛО» («КИСЛОРОД»)

На русском языке выходит роман, который моментально попал в топ-5 самых продаваемых книг на Amazon. Книга-событие для поклонников жанра при внимательном рассмотрении оказывается всего лишь качественно и смело сделанным текстом, который можно легко препарировать на элементы. Автор жонглирует знакомым сюжетом о некой инициации героини и знакомым сеттингом — да, мир Ребенки Яррос жесток и суров, но есть в нем неуловимые и легкоузнаваемые нотки франшизы «Как приручить дракона». Просто в более мрачной тональности, или, как говорят геймеры, с hard mode on. «Четвертое крыло» близко к темному фэнтези — для молодых читателей выйдет отличный трамплин перед чтением условного Джо Абернромби.

Отец всю жизнь готовил Вайолет к тому, чтобы она пошла в школу писцов, но жизнь — и мама героини — распоряжается иначе. Вайолет отправляют в академию для драконьих наездников, попасть в которую — задача не из простых. Здесь нет понятия «сдал» и «не сдал» экзаменов, только «выжил» или «умер». Поскользнулся на краю обрыва? Не сердчай, тебе крышка. Испугался и решил сбежать? Что же, драконы превратят тебя в кучку пепла. Они существа своевольные. И, как пишет автор, с удовольствием бы уничтожили всех людей, если бы те не были важны для определенных магических процессов. Но что же делает Вайолет в академии? Пытается быть сильной. Пытается начать отношения. Пытается выжить. Потому что многие уже с первых дней строят козни, многие готовы убить Вайолет — и это не подростковые шутки. Так уж вышло, что мама героини уничтожала семьи ради правосудия.

Классическая young-adult-история, построенная на тех же приемах, что и другие популярные книги направления (допустим, «Опиумная война» Ребекки Нуанг, тоже нашумевшая в первые дни после издания, тоже сконцентрированная на инициации героини), в руках Ребекки Яррос в лучшем смысле начинает слегка кусаться. Роман дерзкий, не беззубый — когда надо, цапает до белых следов: уже в самом начале сестра советует героине спать с парнями-одногодниками, а не со старшенурсниками, а в одной из сцен Вайолет думает об оргазмах соседки. Дерзить тут любят. Но в этом-то и соль: Ребекка Яррос прекрасно знает свою аудиторию, а потому ее героиня с удовольствием наблюдает за тренировками парней без рубашек, а весь текст — если мы на миг сфокусируемся на романтической линии — тянется к большой и подробной сексуальной (и поlyingающей!) сцене. Автор прекрасно понимает, когда надо подавать главное блюдо и какой степени горячести оно должно быть.

«Четвертое крыло» просто описать одним предложением — книга, по которой с первых страниц хочется делать фанарты. А это дорогого стоит. Но долой разговоры о фасаде! Если копнуть чуть глубже, можно увидеть, например, размышления о судьбах детей, живущих в «военных» семьях. Что им делать? Продолжать «семейную традицию» или выбирать свой путь? Рано или поздно такой вопрос возникнет перед каждым. В любом случае из «Четвертого крыла» можно вывести какой-нибудь, а секрет успеха молодежного романа, обеспечивающий попадание в топ продаж Amazon. Журналист Уильям Херст говорил, что для «бума» новости в ней должно быть четыре темы: деньги, тщеславие, криминал и секс. И «Четвертому крылу» эта формула применима.

«Если бы мы, ничтожные людишки, не были нужны им, чтобы развивать способности к печатям, проявляющимся от связи, и плести защитные чары вокруг Наварры, я уверена, они бы съели нас всех и покончили с этим. Но им нравилось защищать Долину — долину за Басгиатом, которую драконы называют своим домом, — от безжалостных грифонов, а нам нравилось жить, потому и появился столь необычный и маловероятный союз.

Мое сердце рвалось из груди, и самой мне тоже хотелось бежать. Одна мысль о том, что я должна оседлать одного из них, охренительно смехотворна».

НАТЕРИНА РОММ, «ФЛОРИЕНДЕЙЛ. ОДНА ИЗ НИХ» («ПОЛЫНЬ»)

В дебютном романе Натерины Ромм реальный мир существует параллельно с волшебным — Флориендейлом. Но постоянно образуются прорехи, через которые можно попасть из одного мира в другой. Однажды Роттер, уроженец нашего мира, решает захватить власть во Флориендейле. Вместе с инженером Линчевым они создают специальный генератор, делающий прорехи больше и стабильнее. Так, принося в мир волшебства технику и бомбы, Роттер выигрывает войну. И Флориендейл меняется. Королевство становится Федерацией, появляется город Роттербург (ну еще бы!), и даже вводится система паспортов. Полиции, аресты, доносы... Но надежда есть: где-то бродит наследница королевы, и только она способна вновь пробудить стихийную магию. Чтобы все прошло как надо, слишком много деталей должно срастись. И еще один нюанс: потенциальных наследницы — три. И никто не знает, которая из них — настоящая.

Первое слово, которое приходит на ум, чтобы описать «Одну из них», — пленяющая. Есть в романе какой-то неуловимый шарм: что-то цепляет то ли в самой концепции, то ли в образах персонажей. Их здесь много, они далеко не равнозначны, автор отводит им разные, менее или более важные роли. Однако случается, как говорят, «коннект» с героями. Выстраивается нерушимая связь даже с Роттером — его, как любого эталонного злодея, всегда ждешь в большом количестве. Да только Катерина Ромм решает уделить ему не так много экранного времени. Хотя его «трагедия» — одна из центральных.

И здесь читатель спотыкается о главный недостаток романа — в нем слишком много героев. Само по себе это неплохо, но автор-дирижер словно бы не успевает уследить за хором персонажей, а оттого их голоса теряются, путаются, цепляются один за другой: тут и приспешники Роттера, и настоящая наследница престола, и две «ложные» наследницы, и некогда могучие маги стихий. Роману не хватает фокусировки, оттого все происходящее становится размытым, нечетким. Читателю легко потеряться. Герои не успевают показать себя, но некогда останавливаться, и вот уже сменяется кадр, и вот на манеже появляются новые персонажи, так же быстро понидающие его. Им не хватает времени, чтобы сказать все накопившее, раскрыться. Но есть у такого приема и позитивная сторона. Мир Флориендейла — точнее, простите, Соединенной Федерации, — отражается в десятке зеркал мнений и восприятий. Так что на него можно посмотреть с любой стороны: глазами юной девушки, диктатора, пленницы. «Одна из них» — тот редкий случай, когда политические интриги и социальные перипетии чуть ли не важнее личных проблем героини — или как минимум находятся на одном уровне с последними.

Столкновение мира реального и волшебного — прием частый и авторами излюбленный. Тут весь вопрос в том, к чему такая конфрон-

тация приведет. Катерина Ромм позволяет реальности — жестокой, суровой — выиграть и этим задает тон последующему повествованию: тон со стальным привкусом диктатуры. В этом, пожалуй, главная прелесть романа. Весь текст герои разбираются с последствиями катастрофы и пытаются снова наделить мир его колдовской силой. А это куда интереснее, чем очередные бродилки по магической вселенной, пусть даже ради свержения очередного же злобного короля. Глоток свежего жанрового воздуха. Перед читателями деконструкция литературы попаданчества: прием-то стар, как мир, но последние годы сильно опошлен ненадежной и шаблонной сетевой литературой (не стоит, однако, забывать, что есть и хорошие примеры «попаданцев»). Катерина Ромм хватается волшебную палочку феи-крестной и превращает набивший оскомину прием в главный сюжетобразующий элемент «Одной из них». Мыши превращаются в коней, тыква — в карету, шаблоны — в уникальные сюжетные ходы и продуманное мироустройство. Полночный бой часов ничего не испортит — по крайней мере, в случае Катерины Ромм.

«Главным препятствием до самого конца оставалась ненавистная магия, которая пронизывала Новый мир, словно плесень – гниющие продукты. Она до чертиков пугала Роттера, хоть он и был достаточно умен, чтобы никому об этом не говорить. Ему нечего было противопоставить их шаманским фокусам: его лучшие самолеты не летали, а солдаты вязли в болотах по мановению руки магистров королевы. Но Роттер не сдавался и был вознагражден. Настал день, когда их преданный пес – королевский предатель – прибежал сообщить, что стихии вышли из-под контроля. Это означало победу! Впереди ждало столько проектов...»

ВАДИМ ПАНОВ, «САДЫ ПЯТИ СТРЕМЛЕНИЙ» («ЭНСМО»)

Новая книга цикла «Герметикон» — очередное приключение экипажа цеппеля (дирижабля) «Пытливый Амуш» в мире, где люди путешествуют от планеты к планете через таинственную Пустоту. А делают этот шаг раз таки с помощью дирижаблей, оснащенных особыми устройствами — астрингами. И вот команда «Пытливого Амуша» случайно оказалась на новой планете на краю изученной вселенной. К тому же три офицера каким-то образом выпали из цеппеля — необходимо найти их и наладить контакт с местными. Да вот только не все так просто: большая часть планеты покрыта водой, а среди здешних государств назревает война. Но это далеко не все проблемы героев. Хотя, казалось бы, в предыдущей книге команда «Пытливого Амуша» выбралась из куда большей передраги.

Тяжело говорить о новом романе цикла «Герметикон», не пересказывая сюжет как минимум двух последних книг. Все здесь связано, одни события последовательно ведут к другим, а потому витиеватые сюжетные линии преумножаются. Но Вадим Панов продумывает лазейку: у сюжета, как у дерева, появляются ветви-ответвления, на миг уводящие читателя в сторону. Это самостоятельные книги, которые чуть отходят — но не отрываются! — от основных событий, чтобы никто не успел заснуть: ни автор, ни аудитория. «Сады пяти стремлений» — как раз из таких романов. Хотя книгу, безусловно, лучше читать после предыдущего тома. Вадиму Панову неведомым образом хватает удали с каждым романом закручивать спираль общего сюжета все туже и при этом не топтаться на месте: когда новые книги выходят не раз в месяц, это не так-то просто. Приходится подшивать и подкраивать все писательскими ножи-

цами, нитками. Если швов не видно, как в случае «Герметинона», — значит, шалость удалась.

Вадим Панов удивительно ловок и мастеровит в создании необыкновенной красоты планет. В «Садах пяти стремлений» автор эту тенденцию продолжает: пейзажами восхищаются даже герои, и немудрено. Ведь местный континент условно поделен на Сады (плодородные долины), Небо (огромное горное озеро) и Море (собственно, массивное водное пространство). Есть тут и горы, и пустыня... На новую планету читатель действительно начинает засматриваться, удивленно открыв рот. Но главное, что есть во всем «Герметиконе», — это персонажи. И главный герой, Помпилио дер Даген Тур, и — возможно, даже в большей степени, — второстепенные: хитрый супернарго, алхимик с раздвоением личности или, например, суеверный шифбетрибсмейстер. Читатель вроде как заведомо понимает, что все с ними будет хорошо, но все равно продолжает переживать: удастся ли перехитрить бандитов, как поведет себя сенатор на переговорах, очнется ли важный член экипажа? Это персонажи, к которым хочется возвращаться вновь и вновь. Есть между ними волшебная химия — или, извините, в случае «Герметинона», конечно же, *алхимия*, в которой Вадим Панов, очевидно, достиг наивысшего звания.

«Попрощавшись с аборигенами, Бабарский понял, что на большие подъемники, доставляющие людей и грузы в Сады, его без документов не пустят, и потому прихватил не только одежду, но и подходящий паспорт. К счастью, на Траймонго еще не додумались использовать в документах фотографии, ограничивались описанием владельца, а один из рыбаков оказался невысоким и темноволосым. Что же до различий — их можно было списать на прошедшее со времени получения паспорта годы. Действовал ИХ быстро и шаги свои продумал досконально: по дороге к подъемнику он не торгуясь купил крупную рыбку — мелочь на первые расходы тоже позаимствовал у рыбаков, логично рассудив, что золотая монета и обещанная дер Даген Туром награда с лихвой покроют этот небольшой кредит, и в тот момент, когда патрульные серифы подошли к шхуне, Бабарский ступил на подъемник и показал контролеру паспорт».

САША СТЕПАНОВА, «НОЛДУН С НЕГЛИННИ» («МИФ»)

Мирону скоро сдавать ЕГЭ. Дело серьезное, так что никаких проблем не хочется — но они, по обыкновению, сваливаются на голову. Да еще и в лице старухи-ведьмы. Мирон узнает, что он из шорных — волшебных защитников города. Шорные могут желать все что угодно, но за каждое желание должны платить: чужой бедой, жизнью или просто добрым делом. Теперь уже не до ЕГЭ! То надо духов, связанных с бэушным столом времен Третьего рейха, прогнать, то разобраться, кто жрет людей, то с банником договориться. Ну и дела любовные никто не отменял! Но это все ерунда. Потому что, уже повзрослев, Мирон вдруг обнаруживает в квартире маленькую девочку...

«Нолдун с Неглинни» — история взросления в декорациях городского фэнтези, такой «Ученик чародея», полный русского (даже московского) духа. Важно, что читатель видит героя сперва в 2017-м — до универа, а потом в 2021-м — уже в универе, да еще в новидные времена. Во-первых, ощутимо меняется тональность. Если первая часть по-школьному беззаботна, то вторая — мрачнее и серьезнее: настолько, что ближе к финалу у Мирона заметны признаки депрессии. Во-вторых, Саша Степанова мудро

пропускает середину, чтобы не затягивать историю, — это книге только на пользу. Особенно прием помогает динамике отношений Алисы и Мирона: дает волшебного пинка, чтобы от школьной влюбленности (или невлюбленности?) перейти к универсальной. Более зрелой. И откровенной. Новая тональность задана уже в первой сцене второй части: герой просыпается в одной кровати с одноклассницей, пока та поглаживает его грудь. А еще голова раскалывается. У Саши Степановой широкий диапазон: она может говорить и детскими, и подростковыми, и юношескими голосами одинаково убедительно. Нет ощущения искусственности и попытке прикинуться своим, на миг омолодиться.

Автор разбрасывает по тексту достаточно фантастических происшествий, но находит баланс: их не слишком много и, что важнее, все они связаны. Например, руна-протез старухи-ведьмы (или, как она говорит, «костаная руна») еще сыграет свою роль ближе к концу романа. Это не просто пестрый марафон загадочных дел-происшествий, а продуманное линейное повествование, где каждое событие — повод лучше понять волшебный мир, чтобы наконец ответить на вопрос: «Да что вообще происходит?!» А заодно, если угодно, +1 балл в копилку «взрослости» Мирона: он больше не может прятаться в мир Варкрафта, которым во времена школы снимал напряжение.

В отличие от «Пятой бездны» Саши Степановой — другого городского фэнтези про магов и колдунов для тех, кто помладше, — в «Колдуне» герои куда острее реагируют на ворвавшееся в жизнь холодным ветром потустороннее: не верят до последнего, даже когда на полу материализуется детеныш зубра (не спрашивайте, лучше читайте). А старуху-ведьму вообще посылают к черту, хотя, казалось бы, все доказательства им предоставили. Но, как обычно, вся фантастическая составляющая — лишь антураж. «Колдун с Неглинки» — история о принятии новых социальных ролей:

друга, парня, отца и даже шорника, подмастерья ведьмы, будущего Нолдуна с Неглинки.

«Суп оказался ничего. Жирный, золотистый. Готовить Мирон не умел, а жрать чипсы и переплачивать за пиццу только поначалу казалось удачной идеей. Деньги как-то сразу стали таять быстрее, чем он рассчитывал. Так что суп оказался в тему. Сначала Мирон приглядывался: искал тараканов или грязь, а потом забил. Тем более что ничего мерзкого в квартире не оказалось, кроме разве что трубки, которой Калерия то и дело дымилась, но с ней Мирон свяжся, как свяжались с морозом в феврале и летнем зноем».

МАРИЯ ГУРОВА, «ЕЖЕВИНА В ДОЛИНЕ. КОРОЛЬ ПОД ГОРОЙ» (LIKE BOOK)

Дебютный сборник Марии Гуровой состоит из романа «Нороль под горой» и повести-принвелы «Ежевина в долине». Издание открывает цикл историй, события которых разворачиваются в весьма специфичном, но необычном мире, где артуровский цикл со всеми присущими ему маркерами (фейри, спящие короли, вассальные клятвы) вплетен в антураж, напоминающий XX век. Снажем, предвоенную Германию 1930-х: рыцарские ордены здесь соседствуют с радио и бомбардировщиками. Мария Гурова признается, что ей интересна тема «потерянного поколения». Это чувствуется. От романа тянет неуловимой атмосферой Гессе и Ремарка.

Тристан — член рыцарского ордена, обучавшийся в солдатских условиях, а Илия Гавел — аристократ, которому, как оказывается, суждено стать королем. Но не все так просто: он должен вместить в себя сущность древнего спящего короля. Только непонятно, уживутся ли две личности в одном теле. И как это работает — тоже непонятно. Ничего непонятно. Но пророчество гласит, что в Великую Войну все должно произойти именно так. И разве пойдешь против пророчества? Тристан и Илия отправляются искать спящего короля — почти бунвально того самого «короля под горой» из заглавия.

«Нороль под горой» — роман-дорога, а «Ежевина в долине» — одна история из детства Тристана, которую не сразу принимаешь за правду. Да и не стоит этого делать — кто знает, что исказит детское сознание? Правда, позже, уже в романе, герой сам признается, что так все и было: историю об оживленной игрушке (ситцевом рыцаре) он не выдумал. Есть ощущение, что в издании повесть и роман стоит поменять местами — так читателю будет несколько проще сориентироваться в и без того необычном мире Марии Гуровой, слегка путающем до сюжетной завязки и весьма располагающем после.

Не стоит искать в «Нороле под горой» правду характеров: это своего рода притча, исторический эксперимент, полный кривых отражений, аллюзий и референсов. Мария Гурова задает четкие правила игры: легендарium, традиционный для одной эпохи, становится центральным для совершенно другой. Что-то в мире надламывается, а что-то играет новыми красками — в этой смеси разнородных ингредиентов посредством бурной химической реакции рождается чуждый, но узнаваемый авторский мир.

Во вступительном слове написано, что «Нороль под горой» отражает легкость и насыщенность событиями классического фэнтези, деноструируя «вечные сюжеты» в традициях литературы постмодерна». С высказыванием хочется поспорить. Мария Гурова действительно

играет с первоисточником, разбирает его на кирпичики и, используя цемент одной эпохи, а кирпичи — другой, строит новый дом. Но «Король под горой» скорее уж мета-, нежели постмодернизм. Автор не занимается деконструкцией, не иронизирует, не унижает классические сюжеты. Подход Марии Гуровой как раз таки созидательный: это, как кажется, некая попытка собрать современный миф, основанный на артуровском цикле, традициях рыцарских романов и эпохе тотальной нестабильности: и в социальном, и в личностном, и в экономико-политическом смысле. Сочетание эпох, мягко говоря, нетипичное, но тем паче. Роман Марии Гуровой занимает уверенное место среди экзотических представителей жанра. Пикантных, запоминающихся, но сильно на любителя.

«Эскалот, город старинных башен, перемешанных с заводскими трубами, в этот раз встретил его весенними цветами в руках приветствующих людей. Верили они или нет в свершенное пророчество, но он вернулся домой легитимным королем, и этого было достаточно для народа, державшегося за свою монархию. В эпоху Удильщика страна цвела, как роза на государственном флаге. Но процветание не означало величия. Сытая жизнь предназначалась для мира, сияние орденов и венцов — для войны. И только изящная находка природы украшала любое из этих времен. Цветы — замечательные творения, они проросли везде: и на обласканных садовниками клумбах, и на изрытых танковыми гусеницами полях; они украшали все: и черное облачение скорби, и праздничные одежды радости».

ДАНА АРНАУТОВА, «ГОД НЕПРОМАНТА. ВОРОН И ВЕТВЬ» («ЭНСМО»)

Грель Ворон — нецромант, всю книгу пытающийся примириться со смертью ученика. Впрочем, это не единственная его работа: то крови для ритуала надо добыть, то человека воскресить, то напридумывать пустых угроз о том, что вурдаланы могут изнасиловать по его приказу, то человека особым варевом воскресить. Грель далеко не мил и обходителен, но ему не чуждо человеческое — этого от него во много требует жанр темного фэнтези, столь падний на «серую мораль». Да тут тем более вон какие дела! Местные священники начинают кое-что чересчур активно искать...

Дана Арнаутова создает мрачный мир, где младенца для жертвоприношений можно купить в любой деревне буквально «за один золотой», а ради личных целей под видом ласки можно сломать доверчивому юнцу шею. Место не самое приятное для жизни, зато прекрасное для раскрытия характеров героев. Темное фэнтези — отличный катализатор, обнажающий психологию, обостряющий забытые травмы. Как, например, весьма специфические отношения Греля с нецромантом-наставником. Читатель знает мотивы Греля, отчетливо видит изменения характера, ощущает ужасную тоску по ученику: не последнюю роль в усилении эффекта эмоциональной сопричастности с главным героем играет повествование от первого лица в эпизодах о Греле. Но тут роман забивает гол в свои же ворота: главный герой чересчур ярко сверкает на фоне остальных, становится настолько объемным, что его раздувает, как воздушные шар, и за шаром этим теряется жизнь остальных персонажей. Они переходят в плоскость настоящего времени и начинают, как Сизиф, только и делать, что толкать сюжет. Такой подход сложно однозначно назвать недостатком романа:

это скорее его чересчур ярко осязаемая особенность, которая кому-то придется по душе, кому-то — отнюдь.

Вернемся к миру: здесь есть боги старые — диние, стихийные, языческие, как бы мы сказали, а есть новые. Есть тут и свой Христос, который «крал вино и хлеб» — так о нем доносили. «Год некроманта» чуть заходит на территорию, допустим, «Сарантийской мозаики» Гая Гэвриела Нея. В определенные праздники старые боги возвращаются, и в эти дни лучше не нарушать установленных правил. Иначе кончится все плохо. У Нея в романе был Зубир, здесь — кельтский Охотник. Вообще, мир «Года некроманта» — это мир ностальгии по ушедшему разнообразию. Грель заявляет, что боги бросили мир и теперь он стал куда более... однополярным и скучным. Есть в романе и еле осязаемая атмосфера цикла «Я, инквизитор» польского автора Яцека Пекары. В целом же в «Годе некроманта» царит дух средневековых монастырей и церковных школ с пыльными рукописными фолиантами.

Автор умело описывает языческое и потустороннее: Охотник Самайна у Даны Арнаутовой выходит пугающим на раз за счет того, что мыслится иными категориями бытия. Даже голос его дробится на шорох листьев и шум прибора. Такой подход не может не радовать: в большинстве случаев любых богов и «иных» существей в фэнтези неоправданно очеловечивают. Ну и что еще нельзя упустить, рассказывая о «Годе некроманта»? Конечно, сам текст. Дана Арнаутова пишет ритмично, живописно и ненавязчиво-поэтично. Автор любит акцентировать внимание на деталях: промокшие кожаные плащи, грязь на ботинках, которая похожа на кровь, запах чужих волос. Все это — словно эксклюзивная и лимитированная коллекция парфюма, которая и придает «Году некроманта» необъяснимый шарм, отличающий его от других похожих книг: а сколько уж писали о некромантах, инквизиции и Дикой Охоте!

*«Огромные ветвистые рога венчают голову, как корона, длинные седые волосы спадают на плечи. Он одет в шкуры, сшитые и перетянутые грубым кожаным поясом. На поясе рог и кремневый нож в локоть длиной. Его сапоги перепачканы то ли бурой глиной, то ли старой кровью. Я готов рассма-
тривать что угодно, лишь бы не поднимать взгляда к его лицу. Но у меня не получается. Тьма, холод, ужас и смерть смотрят из его глаз прямо мне в душу. Я хочу упасть на колени, а еще лучше уткнуться лицом в пол. Молить о милости и быстрой легкой смерти. Вырвать из груди собственное сердце своими же руками и поднести ему в дар. Потому что он – вечность...
Но вместо всего этого я заталкиваю глубоко внутрь вопль, рвущийся наружу, глотаю вязкую горькую слюну и смотрю ему прямо в лицо.*

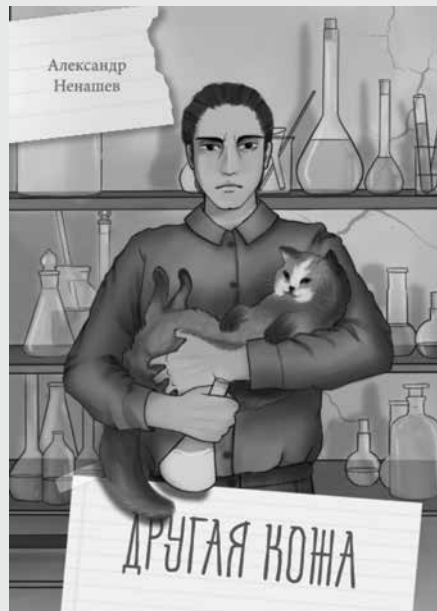
– Доброго Самайна тебе, Великий. Я выкупаю жизнь этой женщины своей жизнью».

МЕРИ ЛИ, «МИР МЭРОУ» («НИСЛОРОД»)

Эва — Охотница с особой меткой на шее и необычными способностями от рождения. Так уж вышло, что в мире Мэроу Охотники появляются от союза смертной матери и волшебного отца, и оба родителя... погибают. Эву подкидывают чужой семье, но и там она задерживается недолго: ее продают в бордель, где героине приходится провести долгие годы. Тут она впервые сталкивается с жестокостью понятного рода. Но это в прошлом. Эва выросла и теперь заключает сделку с Королевой — она должна найти другого Охотника за ограниченное время. Договор скреплен «словом» — волшебной клятвой. Нарушишь ее — и сгинешь в вечных мучениях. Так завещали Отец и Мать, создатели мира. Приключение начинается, но это не веселый поход по волшебной стране, а суровое и изнуряющее путешествие по жестокому миру, где есть работорговцы, безумцы и, что самое страшное, нарушенные клятвы и безучастные боги.

Дебютный роман Мери Ли — классический, даже хрестоматийный пример молодежного темного фэнтези, где зло и добро запросто меняются местами. Это роман-квест о героине с определенной психологической травмой и определенной же особенностью. А потому, по всем законам жанра — и это правильное решение, — Мери Ли просто берет и переносит Эву из одной критической ситуации в другую, катализируя рефлексии героини, запуская цепочку сомнений: а правдива ли история мира? А можно ли ждать от мужчин ласки и нежности? А та ли, за кого себя выдает, Королева?

«Мир Мэроу» до самого конца сфокусирован на Эве и не распыляется на посторонние политические интриги — они здесь, конечно, есть, и короли обречены на казнь, а войны и междоусобицы многие планируют с тем же удовольствием, с каким потом посещают местные бордели. Но все эти побочные линии не перетягивают на себя внимание — наоборот, подталкивают Эву к дальнейшим решениям. Это стимул подумать и понять, кто друг, кто враг, где любовь, а где — просто желание. И так до конца романа. На героине начали, героиней и закончили. Однако первая часть «Мира Мэроу» — просто чересчур ровная очень растянутая экспозиция; катастрофические события гремят стальными сапогами у порога слишком уж близко к финалу, хотя это, пожалуй, главная перчинка книги (в двух предложениях даже вынесенная на обложку). Сейчас придется избежать спойлеров и умолчать, что конкретно ждет читателей к финалу. Скажем так: не стоит слепо верить древним легендам.

Впрочем, текст лишь приниживается обычным, ровным и даже немножко предсказуемым до второй трети романа: дальше начинаются сюжетные повороты, от которых волосы встают дыбом; сюжетные повороты, которые — здесь читатель приятно удивляется — считывались на уровне деталей и символов еще в самом начале. Просто на это не было причин обратить внимание. А во время сюжетных откровений сразу возникает желание вернуться к началу, перечитать и тихонько воскликнуть: «Ах вот оно что!»

«В голове сразу всплыл образ женщины, что нашла меня и прятала под полом в своей старой и затхлой лачуге. Мола не была мне матерью, но именно она дала мне понять, что всем в этом мире на меня плевать. Потом был ее муж, который продал меня, как залежалую вещь. Следом была владелица борделя. Да, она обучила меня чтению и письму, но это не из-за ее великого сердца. Она хотела в дальнейшем использовать меня. Шрам — он использовал. Ему это удалось, как никому другому. Были и другие, более блеклые моменты. Я бы сказала, мелкие. Жизнь Нефел тоже не была сказкой. Даже Хозяин, у которого есть богатства, забил свою супругу насмерть. Существа воруют, убивают, лгут. Продают других существ, и им неважно, дети это или взрослые».

АЛЕКСАНДР НЕНАШЕВ, «ДРУГАЯ КОЖА» («ИРГА»)

Сборник рассказов Александра Ненашева весьма неоднороден. Если первая история — классический пример мягкой научной фантастики с «человеческим лицом», то в других сюжетах автор как раз таки и играет с заявленными в предисловии «бытовыми чудесами». Будь то старушка, подарившая необычный билет в кино, или чудная магия зеркал. Все же рассказ «Другая кожа» — им и назван весь сборник — можно назвать

программным (возможно, даже в рамках всего авторского творчества, тяжело судить). Остальные истории — зарисовки-дополнения, еще раз демонстрирующие читателю манеру Александра Ненашева весьма органично совмещать реальное, научное и магическое.

Читать рассказы стоит тем, кто соскучился по духу старой доброй фантастики: верно отмечают в предисловии, что есть в текстах сборника что-то от Стругацких, но не только от них — на ум приходит, например, и Клиффорд Сайман. Наверное, если бы Александр Ненашев написал роман, получился бы гибрид двух (точнее, трех) этих авторов — что-то очень жизнеутверждающее, мудрое и при этом достаточно социальное. Но не стоит переживать: плотно написанные рассказы не ужимаются до сухого изложения научных теорий, на фоне которых герои и сюжет теряются. Это увлекательные истории, где чаяния персонажей и их социальная жизнь (гнетущая необходимость прокормить семью, но нежелание отказываться от мечты; ссоры и примирения с родными) важны намного больше, чем изобретения и чудеса, просачивающиеся в жизнь.

«Зарылся с головой в работу, которая, как оказалось, мне и не нравилась. Долго выбирать и особо раздумывать мне было нельзя, нужно кормить семью. Работу по специальности я не нашел, а тут пришло время большой стройки.»

«Сделал для людей я, конечно, немало, потому что с детства был обязательным гражданином и если что начинал, то доводил до конца. Но все чаще мне стало казаться, что жизнь моя проходит впустую. Не было такого, чтобы я чувствовал восторг оттого, что день пролетел незаметно, что каждую минуту сегодня я горел, занятый любимым делом. И тут я получаю билет в кино. Подействовало это на меня, как холодный душ.»

Для детей

ТИМ ТИЛЛИ, «ПОСЛЕДНИЕ ВЕДЬМЫ» («ФОЛИАНТ»)

Когда у юного Уилла пропадает мама, а отцу начинают сниться кошмары, он сразу понимает — дело нечисто. Интуиция не подводит: в гостях у тетушки герой случайно встречается ведьму и, конечно, сперва не верит своим глазам, хоть и вырос на историях о Ведьме Агате, которая, как говорят, была его дальней родственницей. Теперь вместе с юной ведьмой Магдой Уиллу придется защитить волшебный амулет, найти сонровище старой Агаты, спасти маму и помешать козням злого волшебника, который превращает людей в слуг-воронов с помощью «бумажных заклятий». Последнее, кажется, — аллюзия на черную магию банковских ченов и бюрократической волокиты. Это ведь действительно способно заколдовать взрослых. И принудить к обслуживанию.

«Последние ведьмы» — роман, работающий по правилам сказки. Весь сюжет завязан на волшебном артефакте — амулете, — который герои должны уберечь и определенным образом «дополнить». Ведь в чужих руках он послужит недобрым целям. А погоня за артефактом — или его кража, — один из главных сказочных сюжетов. Старый, как мир, берущий начало еще в архаических мифах. Но Тим Тилли, конечно, помнит, что не сюжетом единым жив детский роман, а потому герои «Последних ведьм» не похожи на безжизненные картонки. Даже второстепенная тетя Гера еще долго будет возникать в воспоминаниях читателей. С мечом в руках. Одно иногда

смущает в героях — их речь. Некоторые диалоги кажутся слишком чопорными — в том смысле, что Тим Тилли как-то слишком очевидно устраивает лекции о мироздании устами пары-тройки персонажей. Так, например, происходит в эпизоде, где Уиллу рассказывают о Фениксе и объясняют важность птиц, которых ведьмы очень ценят.

Прежде всего, «Последние ведьмы» — это приключение, вобравшее в себя все что только можно: похищение, побег, шифры, загадки и даже небольшую погоню на автомобиле. Ну и злодея, который борется за благое дело неблагими способами: пытается защитить природу, но делает это чересчур радикально. Такой Танос из киновселенной Marvel для тех, кто помладше. Однако за бесконечным вихрем экшена, в самом центре сюжетной бури, спрятаны смыслы — это история, конечно, о семье, дружбе и даже экологии. Темы эти, как вершушки айсберга, торчат на поверхности и не мозолят юному читателю глаза. Но «Последних ведьм» также можно назвать — очень грубо — своеобразным перевертышем. Ведьмы здесь никогда не были плохими — это мама рассказывает Уиллу многие годы. Герой живет с верой в невероятное, а потому стремительно начавшиеся волшебные события шокируют его лишь своей неожиданностью, а не невозможностью.

«Заколдованная подруга Магды ведет нас через двор. Около дюжины ведьм в клювастых шлемах Воронов упражняются с волшебными палочками. Они держат их как мечи и, фехтуя, обрушивают на деревянные мишени то ураганный ветер, то вьюгу с ледяной крошкой. На земле лежат несколько палочек, и я уже собираюсь спросить Магду почему, но тут сам понимаю, что это, наверное, те, которые потеряли силу. Над двором висит башня, над ней огромные часы с железными стрелками. С тяжелым чувством я смотрю на нее. Где-то там мама Магды».

ТИЛЬДЕ МИХЕЛЬС, «РЕВУЩИЙ РУЧЕЙ» («МИФ»)

Однажды в суровую зимнюю пору... к медведю Густаву в дом заваливаются три бродячих медвежонка. На улице такой снегопад, что их замело и они стали похожи на белых мишен. Густав удивляется: как можно не впадать в спячку зимой? Так что весны все четверо дожидаются вместе. С Густавом не скучно: он расскажет, как в юности по глупости на спор пошел на ревущий ручей и промок, как его родители чуть не поругались, выбирая имя сестренке... Ну а пока Густав отдыхает от историй или дремлет, медвежата найдут, чем заняться: сыграют в кубики, чуть не поругавшись, или расстроятся, что не выйдет поесть блинов. Зима ведь на дворе! Где брать яйца?

Тильде Михельс — немецкая писательница, лауреат премий по детской литературе и автор радиоспектаклей. Немудрено, что все ее истории о медвежатах выходят увлекательными и уютными. «Ревущий ручей» — сборник сказочных рассказов для самых маленьких, продолжающий серию «Сказки медведя Густава». Большая и частая проблема других детских сказок — слишком уж очевидная мораль, которой пытаются кормить с ложечки. А в чистом она виде не очень-то вкусная. Тильде Михельс прячет ее под десятком аппетитных печенек повествования. Читатели только подсознательно поймут, что острые ножички детям не игрушка и что не стоит ссориться по пустякам — ведь играть вместе куда интереснее. «Ревущий ручей» — пример сборника сказок со сквозным сюжетом, где одно событие вытекает из другого: кубики медвежата достают, потому что Густав устал рассказывать истории,

а в медвежью семью решают сыграть потому, что очень впечатлились рассказами Густава о своих родственниках. Милый, яркий, уютный, добродушный — слова, лучше всего подходящие к содержанию, так и оформлению иллюстрированного «Рвущего ручья».

«Наконец наступил день, когда на лугах расцвели крокусы. Вокруг дома Густава жужжали пчелы. В воздухе порхали бабочки, а три медвежонка вздыхали от счастья. Они подставили солнцу животы и мечтали о весеннем путешествии.

Им хотелось пуститься в странствие, не мешкая ни минуты. Но они думали о медведе Густаве и не могли решить, что же делать. Остаться с ним или уйти и снова оставить его одного? Им нравилось жить в доме среди малинника, но и свободная жизнь под открытым небом их тоже манила. Густав почувствовал, что его маленьких друзей охватило беспокойство».

ТИМ ТИЛЛИ, «ХАРКЛАЙТС» («ФОЛИАНТ»)

Жизнь сирот на спичечной фабрике старухи Богги — настоящий ад. На завтрак, обед и ужин здесь дают нашу, пона старуха набивает пузо жареной индейкой и другими аппетитными блюдами. За серьезную оплошность могут сбросить в колодец, кроватей нет, любое творчество под запретом. Но однажды паренек Фитиль случайно спасает эльфийского ребенка и сбегает в лес, где пытается найти новую семью. Да только вот беда — Фитиль не представляет, «что такое дом и что с ним делать». Зато постепенно знакомится с жизнью леса и его хранителей — так называют эльфов. И даже не догадывается, что однажды ему придется вернуться на фабрику старухи Богги... ради благого дела.

Тим Тилли — один из немногих авторов, умеющих ловко брать экологические темы и упаковать их в увлекательные, сказочные, местами

напоминающие книги Роальда Даля сюжеты. Герой видит чудище, которое на поверку оказывается машиной, срубающей деревья. В «Харнлайтсе» Тим Тилли хватает две краски — черную и зеленую — и играет на контрастах, без которых эта история просто невозможна. Дышащий свободой лес противопоставлен замкнутому и мрачному пространству спичечной фабрики и всем ее «порождениям» — тем самым монстрам-машинам.

Если «Последние ведьмы» были романом с элементами сказки, то «Харнлайтс» больше похож на притчу. Старуха Богги олицетворяет деструктивную сторону человечества (в стеклянной колбе у нее мертвый эльф, а феи-духи приколоты булавами на манер бабочек, сама же старуха в детстве изобретала паровые машины). А поиск Фитилем дома может быть растолкован как масштабная метафора попыток человека вновь обрести дом в лоне природы. Перестать разрушать ее, научиться жить в гармонии. У книги, безусловно, несколько слоев: и метафорический, и буквальный. «Харнлайтс» — прежде всего очень личная история о поиске семьи и постепенном понимании, кого можно называть родными. Спойлер: кровные связи тут ни при чем. Лучший индикатор — волноваться за других и чувствовать, как они волнуются за тебя. А уж люди они, волки или эльфы — дело десятое.

«Лепесток сидит на единственном в дормитории стуле. Остальные сироты вытянулись на полу. Лепесток распрямляет спину, отчего кажется еще выше, и накидывает на плечи одеяло. Потом достает из кармана несколько листков “Эппайр Таймс” и разворачивает их. Каждую неделю ей выдают старые газеты. Лепесток аккуратно раскладывает их на полу, словно это не газеты, а лакомства. Некоторые из нас берут страницы с фотографиями добродушных людей, какими хотели бы видеть своих родителей, бросивших их. Кто-то рисует мелом свою семью на отмеренном ему лоскутке пола и засыпает в объятиях родных, однако к утру от воображаемых родителей остается только белая пыль».

В этом году участникам Школы критики имени Валентина Яковлевича Курбатова в Ясной Поляне было предложено написать короткую статью, основанную на сравнении черновиков романа Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина». Публикуем несколько лучших работ.